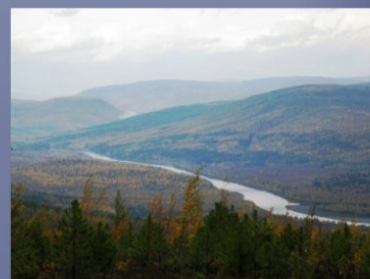

А. В. Виноградов

*Записки
геологоразведчика*

Часть 4

Приполярный Урал.
Саранпаульская экспедиция

Александр Виноградов

**Часть 4. Приполярный Урал.
Саранпаульская экспедиция**

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Виноградов А. В.

Часть 4. Приполярный Урал. Саранпаульская экспедиция /
А. В. Виноградов — «ЛитРес: Самиздат», 2000

4-ая часть "Приполярный Урал. Саранпаульская экспедиция" описывает события с 1960-го по 1966-ой годы. Продолжение работы молодого специалиста. Организация геологоразведочных работ в летний и зимний периоды в условиях бездорожья. Техника и технологии проходки шурфов в таликах на россыпное золото, проходка разведочных канав с буровзрывными работами, колонковое и ударно-канатное бурение.

© Виноградов А. В., 2000

© ЛитРес: Самиздат, 2000

Содержание

Часть 4. Приполярный Урал. Саранпаульская экспедиция	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Часть 4. Приполярный Урал. Саранпаульская экспедиция

Введение

Этот отрезок моей жизни и работы принёс мне немало радостей и огорчений, дал мне большой опыт организации работ в труднодоступных районах в условиях полного бездорожья. Казалось бы, лучше сидеть в спокойной Североуральской экспедиции после капитальной встряски организма в Енисейске и набираться опыта. Однако, не зря говорят опытные люди – Север всегда тянет к себе тех, кто там побывал. То же случилось и со мной – я снова оказался на Севере.

Карпинская партия. Перевод в Тюмень. Саранпаульская экспедиция. Район работ. Руководство

Приехав из Енисейска, я пошёл проситься на работу к В. А. Ривкиной, начальнику Североуральской экспедиции. Экспедиция имела превосходные показатели до 1960 года, т.е. до тех пор, пока занималась только разведкой бокситовых месторождений. В 1960 году во время очередной реорганизации ей передали в подчинение две партии – Карпинскую и Сосьвинскую, которые до этого управлялись из г. Ивделя Северной экспедицией. Результаты работы этих партий не впечатляли т. к. они работали на отдалённых таёжных участках. И чтобы как-то улучшить их работу, экспедиции пришлось им оказать существенную помощь – как материальную, так и кадрами. Надо, правда, отметить, что кадры из Североуральска там не закрепились и через год снова вернулись в благополучные бокситовые партии.

Я давно заметил, что людей, приходящих проситься на работу "с улицы", инициативников, направляют на работу в самые тяжёлые и непрестижные места. Правда, это не только потому, что человек "с улицы", но в большей степени из-за того, что из хороших мест люди не уходят, и там нет кадрового голода. Остаются вакансии только в "плохих" местах.

В данном случае со мной так и поступили. Вера Абрамовна не оставила меня в Североуральске, а сказала, что мне надо ехать на "усиление" Карпинской партии. Партия базировалась в п. Сосновка, где жили лесозаготовители, но через полгода перебралась в п. Веселовка, в 7 км от Карпинска.

Полгода я руководил буровой бригадой, а весной попросился поработать горным мастером и с отрядом проходчиков колесил по трём районам, занимаясь проходкой шурфов. Труд и быт людей в партии и на участках был организован неплохо. По сравнению с Енисейском – ничего похожего.

Зимой все жили в тёплых, хорошо отремонтированных старых домах. Печи регулярно топились техничками. Вода на бурение подвозилась водовозками из заранее пробуренной водяной скважины. Люди работали по 4 дня, потом пересмена. Возили автомашинами. Я завязал хорошие отношения с горнотехнической инспекцией, сдал им дополнительный экзамен и получил "Единую книжку взрывника" на открытые и подземные работы. Получил хорошую практику по оформлению разрешений на право производства взрывных работ, а также разрешений милиции на право перевозки взрывматериалов. Много практиковался на шурфах сам в местах непосредственного производства взрывных работ. Сам получал взрывчатку на Воронцовском руднике. Знания, полученные на этих работах, оказались очень полезными.

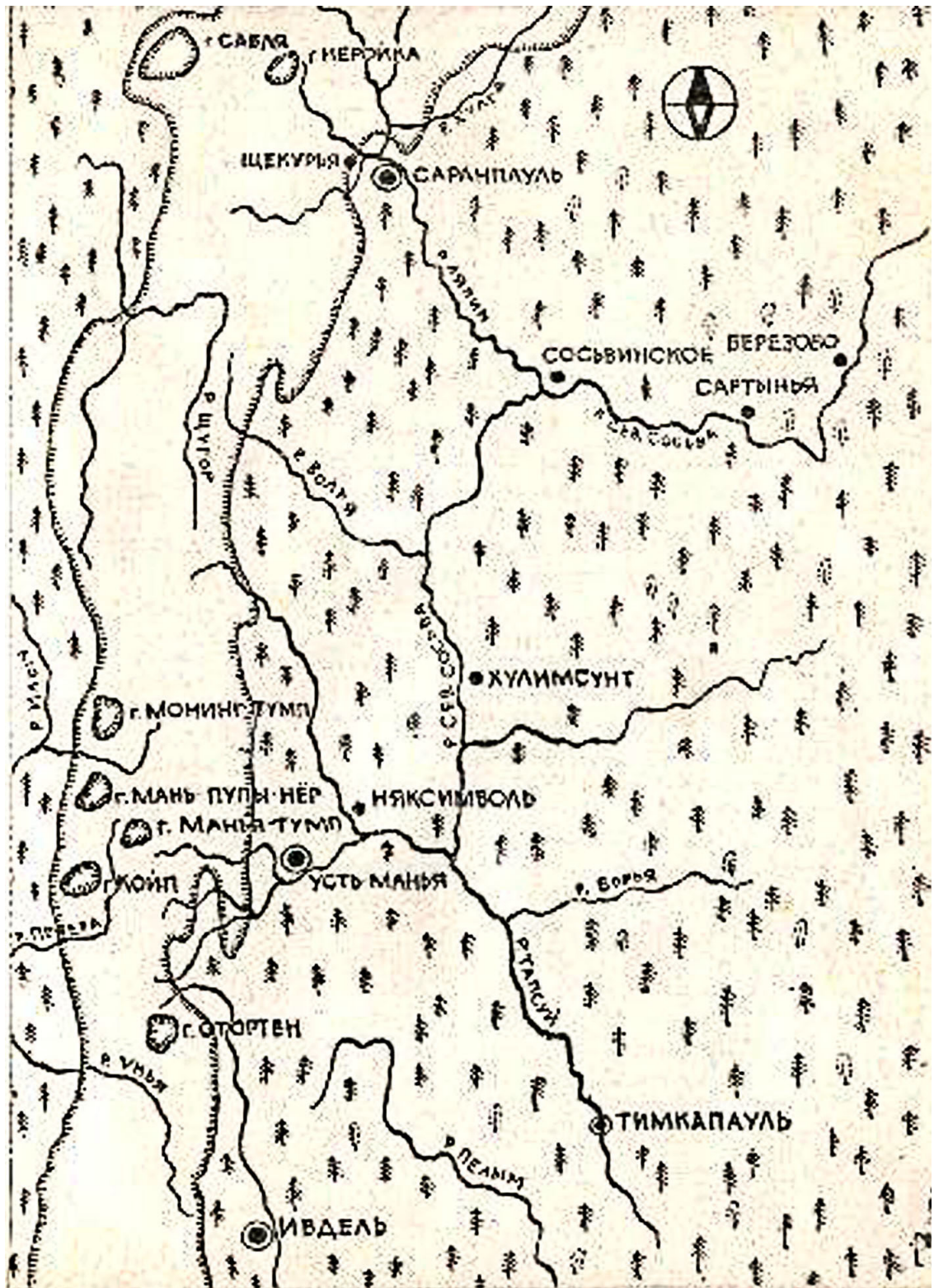

Рис. 1: Схема района работ экспедиции

Осенью, вскоре после приезда, купил себе мотоцикл М1М и несколько раз зимой ездил из Североуральска в Сосновку, преодолевая бездорожье в районе п. Берёзовка. Иногда приходилось ехать по одной колее от автомобиля ЗИЛ-157. Летом компанией по 3-4 человека несколько раз ездили на пионерке с мотоциклетным мотором по узкоколейной железной дороге

от Сосновки в верховья Ваграна. Правда, это мероприятие было совсем небезопасным. Надо было вовремя заметить идущий навстречу поезд, всем соскочить и руками снять пионерку с рельсов, оттащив её на безопасное расстояние.

Однажды, совершенно случайно по радио я услышал передачу про начальника Ямало-Ненецкой геологоразведочной экспедиции Вадима Бованенко. Передача была неплохо построена, и я её слушал с большим интересом. Рассказывалась его история – как он учился в Москве, как играл в баскетбол (он был около 1,9 метра ростом), как попал на Север, в Салехард, и чем там занимался. Мне это как-то запало в душу. Всё-таки Тюменская область – это рядом. Кроме этого у нас трактористом работал Польшиков Николай Иванович, ещё сравнительно молодой, но участник войны. Своё первое боевое крещение он получил в 18 лет в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой в 1943 году, где он был механиком-водителем танка Т-34. В Карпинской партии он появился в 1957 году, приехав из Тольинской партии, в то время располагавшейся в Тюменской области, но подчинявшейся Северной экспедиции Уральского геологического управления.

Когда в 1957 году Н. Хрущёв образовал территориальные органы управления – совнархозы, то к ним в подчинение переходили и геологические организации, расположенные на их территории. Таким образом, Тюменский совнархоз вытеснил с территории Приполярного и Полярного Урала (географически это была Тюменская область) геологов Уральского геологического управления в Свердловске. Это была, на мой взгляд, грубая ошибка. Уральские горы и тесно прилегающая к ним территория – это фактически единая геологическая провинция, и поиски месторождений полезных ископаемых должны бы координироваться из единого Уральского центра, коим всегда был Свердловск. В 1958 году Уральское управление частично ликвидировало, а частично передало в состав Тюменского геологического управления в тех районах свои организации – Полярно-Уральскую экспедицию на Полярном Урале, Няксимвольскую геофизическую и несколько партий на Приполярном, в том числе Тольинскую и Усть-Маньинскую.

Однако вернёмся к Н. И. Польшикову. Мы с ним часто разговаривали про охоту и рыбалку и он часто вспоминал времена, когда он жил в Толье. Его рассказы про количество там дичи и рыбы, их размер, вызывали, по меньшей мере, удивление, а часто и недоверие. Действительность же опрокинула его рассказы – он видел лишь малую часть того, что там действительно было.

Про геологов Тюмени я не знал ничего – нигде не было никакой информации. Правда, два события из передач радио и газет в памяти отложились – это открытие газа в Берёзове в 1953 году и полученная в 1960 году нефть на одной из скважин Шаимской экспедиции. Меня снова начало тянуть на Север после этих рассказов Польшикова и упомянутой уже радиопередачи. И я решил съездить в Тюмень, в геологическое управление.

К двум выходным дням я попросил ещё 3 дня у начальника партии и отъехал. Сообщение с Тюменью было не очень удобным – на дорогу туда и обратно надо было 4 дня. Приехал в геологическое управление. Оно находилось в центре города рядом с обкомом партии на ул. Водопроводная, дом 36. Занимало один подъезд жилого дома и имело 4 этажа. Из кадров меня отправили в кабинет главного геолога.

Там была открыта дверь, и мужчина небольшого роста с круглым лицом – это был главный геолог управления Ровнин Л. И. – расспросил меня, кто я и откуда, чем занимаюсь и что умею делать. В кабинете с ним находился ещё один сравнительно молодой человек. Как потом оказалось, это был старший геолог по твёрдым полезным ископаемым Подсосов А.И.. Они немного посоветовались и сказали, что согласны меня взять и направить в распоряжение начальника Полярно-Уральской экспедиции С. Г. Караченцева. Уже из названия было понятно, что располагалась она на Полярном Урале, на станции 106-й километр железной дороги Сейда-Лабытнанги. Я согласился. Мне в кадрах быстренько сделали письмо на имя Ривкиной В. А. с просьбой отпустить меня переводом в Тюмень.

Кроме чисто тяги к Северу, я хотел получить какой-то самостоятельный участок работ, т.к. я чувствовал у себя силы, знания и желание к такой работе – я уже перерос должность рядового исполнителя. У меня, конечно, ещё не хватало опыта, но его можно было получить только на непосредственной работе. Конечно, через несколько лет работы в Североуральской экспедиции мне бы доверили и более ответственную работу, но я интуитивно чувствовал, что мои знания могут быть востребованы уже и сейчас, но только на Севере.

Начальник партии, узнав, зачем я ездил, сразу сказал, что узнай он про это дело раньше, не дал бы мне такой возможности. Ривкина В.А. сначала уговаривала меня остаться, но потом, поняв моё твёрдое намерение уехать, подписала-таки перевод.

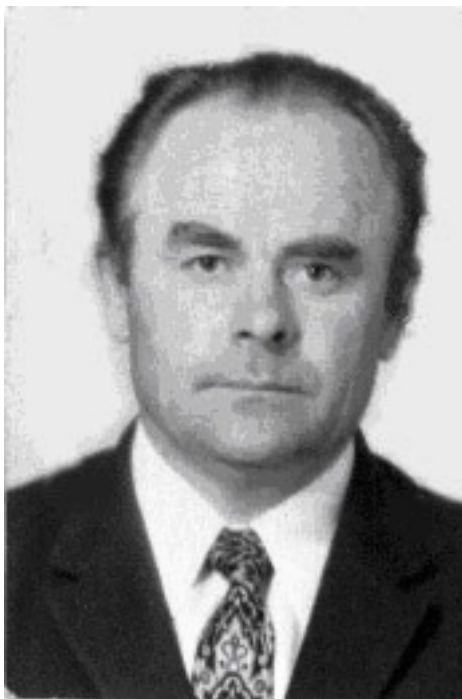

Рис. 2: Чепкасов В.А.

Сборы были недолгими, и в начале ноября 1961 года я выехал в Тюмень. Пришёл в отдел кадров, а там мне сказали, что я должен встретиться с начальником вновь организованной Саранпаульской экспедиции В.А. Чепкасовым. Ранее я не слышал ни такую фамилию, ни экспедицию.

Встретились. Это был сравнительно молодой мужчина где-то до 35 лет, ниже среднего роста, но широкоплечий и коренастый с чрезвычайно густыми, нависшими бровями. Они ему придавали вид хмурого, неразговорчивого человека (что в дальнейшем не подтвердилось). Манера разговора со мной была в большей степени оценивающей, и результат в какой-то степени его удовлетворил. Он сказал мне, что неделю назад подписан приказ об организации этой новой экспедиции, и он предлагает мне начать в ней работу инженером по бурению, правда с приставкой и.о. – исполняющий обязанности. Такая приставка давала право руководителю в любой момент снять человека с должности без объяснения причин или уволить. Но она же давала право и часто переводить человека на другие работы по усмотрению руководителя. Как потом оказалось, все вновь принятые на должности начальников геологосъёмочных партий, их

старшие геологи – все молодые ребята также имели приставку и.о. Это был стиль руководства, правда, я до сих пор не знаю, чей.

Через неделю после моей достаточно плотной работы начальник экспедиции повысил меня до старшего инженера, но приставка и.о. осталась. Оклад у меня был 150 рублей, плюс поясной коэффициент 30%, плюс полевое довольствие 3,5 рубля в сутки. Кроме этого, Саранпауль относился к районам, приравненным к Крайнему Северу и имел соответствующие льготы. Когда я заметил, что (вообще-то) меня сначала направляли работать не в Тюмень, а на Полярный Урал, то мой начальник Вениамин Александрович на это внятно не отреагировал.

Чепкасов В.А. был уже опытный руководитель. На Севере он проработал более 10 лет. Начинать работать в "Дальстрое" на Колыме, потом переместился на Полярный Урал, где прошёл все должности вплоть до начальника Полярно-Уральской экспедиции.

Вторым человеком, зачисленным в состав экспедиции, был заместитель начальника по общим вопросам Ильяшевич Михаил Васильевич – достаточно колоритная фигура по многим параметрам. Он был большого роста, старше 50 лет, с курчавой головой, толстыми губами и широким приплюснутым носом. Его облик наводил на мысль, что в его генеалогии могли быть африканские корни. В начале 50-х годов он с должности областного прокурора в Казахстане перешёл работать начальником Тургайской геофизической экспедиции, после чего его перевели начальником Няксимвольской геофизической экспедиции в составе Уральского геологического управления. Многие его знали и рассказывали, как он ходил всегда по посёлку с пистолетом на животе за брючным ремнём. После ухода из этих мест уральских геологов, он перешёл на работу к тюменским геологам и был заместителем начальника Сартыньинской нефтегазодобывающей экспедиции в Березовском же районе на р. Северная Сосьва. После того, как выяснилась бесперспективность Сартыньи, экспедицию понизили в ранге до партии, а Ильяшевича перебросили в Саранпауль. В Свердловске он успел получить квартиру на ул. Гагарина, что находится слева от УПИ, в сторону Пионерского посёлка. Таким образом, после начальника и его заместителя я был третьим по счёту человеком, принятым в Саранпаульскую экспедицию, т.е. фактически начинал работу с нуля.

Толчок для организации целой новой экспедиции дал один необычный случай. Геологосъёмочная партия под руководством Г. Г. Ефимова в сезон 1961 года в верховьях р. Хобею заложила в пойме несколько шурфов. При промывке песков в одном из них, № 92, намыли весовое золото, давшее в пересчёте на объём содержание около 30 грамм на куб песка. Одна золотишка имела и приличный, продолговатый размер, близкий к "таракану". Когда об этом узнали в геологоуправлении, то велели срочно доставить пробу в Тюмень.

Подсосов А.И. немедленно вылетел с ней Москву и показывал этих золотых "тараканов" во многих министерских кабинетах. На некоторых это производило неизгладимое впечатление. Я и позже замечал, что некоторые, даже весьма крупные министерские руководители, принимали за чистую монету хорошо и красочно исполненные художником картинки, ничего общего не имеющие с действительностью.

Рис. 3: Река Хобею в верховьях

Завершение этой истории выглядело следующим образом: после схода весеннего паводка в 1962 году нашли этот шурф и с четырёх сторон заложили 4 новых – ни один из них не показал в пробах золота. Тогда дали команду – очистить шурф № 92 и взять пробы прямо на его забое – и там не оказалось больше золота. Вот такая необычная история.

Конечно, вопрос о создании здесь новой экспедиции созрел и без этого случая с золотом. Ведь после 1957 года огромный регион Приполярного Урала фактически оставался без систематических геологических исследований. Поэтому новая экспедиция организовывалась с целью расширения объёмов геологической съёмки масштабов 1:50000 и 1:200000, организации поисков и разведки месторождений россыпного и коренного золота, стройматериалов, угля, а также геофизических исследований – аэромагнитки и гравитки.

Здесь уже работали аэромагнитная партия под руководством Латыпова А. А. с базой в п. Няксимволь, уже упомянутая партия Ефимова Г. Г. и ещё одна буровая бригада для съёмочной партии, называвшейся почему-то буровой партией под руководством И. М. Сидоряка. Все они подчинялись Салехардской геологоразведочной экспедиции. С ноября же 1961 года они перешли в подчинение новому руководству Саранпаульской комплексной геологоразведочной экспедиции (СКГРЭ).

По площади район работ был очень велик и располагался на территории Берёзовского района Ханты-Мансийского национального округа. Протяжённость с юга на север около 600 километров – от границ Свердловской области до верховьев р. Хулга; с запада на восток – более 100 километров, начиная от осевой части Уральского хребта. Вся территория деятельности экспедиции в летнее время была абсолютно непроходима для наземных обычных видов транспорта – автомашин, тракторов, гусеничных тягачей. Только появившиеся в 1963 году

2 специальных гусеничных транспортёра-амфибии К-61 могли достигать отдельные участки работ по речному руслу – где вплавь, а где на гусеницах. Зимой, после замерзания болот, озёр и речек, можно было доставлять грузы наземным транспортом высокой проходимости по зимникам. В горах единственным транспортом были выючные лошади и человек. И вообще, весь район работ был просто пронизан бесчисленным количеством рек, речек, ручьёв, озёр, болот. Леса располагались, как правило, вдоль рек. Основные реки были Северная Сосьва и её приток Ляпин, практически судоходные в любое лето. Ляпин в районе Саранпауля сливался как бы из многих рек – Маньи, Хулги, Щекурьи, Польи, Ятрии. Манья была ещё судоходна даже на 60 км выше Саранпауля. Ширина Ляпина – около 400 метров. Кроме названных рек были ещё десятки поменьше.

Рис. 4: Река. Ятрия

Кроме водного транспорта работала авиация. Из Тюмени до Берёзова ходили ИЛ-14, а из Берёзова в Саранпауль АН-2, причём летом ходил поплавковый вариант, который садился прямо на Ляпин. Для АН-2 были сухопутные аэродромы в Толье, Няксимволе, Усть-Манье и Ивделе. Но из Ивделя ходили только наши спецрейсы, пассажирских рейсов не было.

Первая партия тяжёлого типа с проходкой глубоких шурфов на поисках россыпного золота в долине р. Хобею должна была заработать зимой в январе 1962 года – такая была поставлена задача в Геологоуправлении. Никого не интересовало, что на этот момент не было никакого материально-технического обеспечения. Что нам выделили сразу, так это палатки, топоры, кайла, лопаты, бензопилы и прочую мелочь. С этим инструментом можно было проходить шурфы глубиной до 3.5 метров, и сухие. Но предстояло бить шурфы до 10 метров и с очень приличным водопритоком. Для этого были необходимы мощные насосы и железо для

работы с воротками – бадьи, специальные крючья, храповики, воротки. Для промывки выданной из шурфов породной массы нужны были ендовки и промывочные лотки.

Во время обсуждения с Чепкасовым проблемы водоотлива при проходке шурфов на россыпное золото, я рассказал ему, что Сосьвинская партия в Североуральской экспедиции использует для этой цели поршневые насосы типа "Летестю", которые изготавливаются в мехмастерской экспедиции, включая и червячные редукторы РМ-250. Он проявил к этому делу интерес, но сначала велел мне поискать что-нибудь подходящее для этих целей на материальной базе нашего управления. В отделе снабжения мне предложили ручные насосы "Гаро" для перекачки топлива из бочки в бак трактора – они совершенно не имели понятия, что нам требуется. Нужны были насосы с автономным приводом и производительностью до 70 куб. метров в час – таков бывает обычно приток в шурфах на золото, да и стоять такой насос должен на поверхности. Я прошёл также и все склады, но ничего близкого так и не нашёл. Дело в том, что такие насосы наша промышленность не выпускала.

Тогда Чепкасов В. велел мне собираться в дальнюю дорогу – сначала Североуральск, в экспедицию, чтобы взять там техническую документацию на насосы. Затем проехать в Ивдель, на перевалбазу. Оттуда вместе с Ильяшевичем М. спецрейсом вылететь в Саранпауль, познакомиться с местностью и вернуться в Тюмень.

Перед отъездом зашёл в рыбный магазин – хотел взять с собой что-нибудь. В то время все магазины буквально ломались от рыбы. Осетрина стоила 2,9 руб., стерлядь 2,6 руб., муксун 1,6 руб., сырок 1,1 руб. за 1 кг. Всякая "сорная" рыба типа щуки, карася, чебака – вообще копейки. Увидел несколько висящих золотистых рыбин весом до 4 кг – это была нельма холодного копчения по 5 руб. за кг. Взвесил осётра на 8 кг и попросил ненадолго отложить. Я намеревался забрать его за полчаса до отхода поезда, чтобы он не оттаял у меня в руках. Продавцы не брались оставлять его до моего прихода. Велели забирать сразу. Я решил купить билет и приехать снова. С билетом вышла задержка из-за очереди в кассу, и в магазин я опоздал.

Утром я уже был в Свердловске. Решил купить себе хорошее зимнее пальто. Заехал в пассаж – ничего приличного. Тогда зашёл наудачу в комиссионный магазин на Вайнера. Увидел великолепное пальто моего размера из очень дорогого тёмно-коричневого драпа с шикарным каракулевым воротником. Пальто совершенно не имело следов носки и было довольно-таки дорогое – больше 200 рублей. Я сразу же купил его. Днём съездил к своим однокашникам, которые пошли работать в НИПИГОРМАШ. Увиделся примерно с шестью из них. Они вышли, поговорили о нашем выпуске. По их данным в геологоразведке осталось работать человека 4 из всего выпуска. Остальные ушли работать в различные научно-исследовательские и проектные институты, причём подавляющее большинство со сменой специальности.

Днём следующего дня уже был в Североуральске и появился в конторе экспедиции. К моим просьбам отнеслись с пониманием и обещали подготовить комплекты чертежей нужных мне механизмов. На другой день я съездил в Сосьвинскую партию, в Покровск-Уральский. Побеседовал с начальником партии П.А. Крупновым и ст. геологом С.А. Ушаковым. Для меня организация проходки шурфов на золото была делом совершенно новым, и беседы с ними и их советы были для меня чрезвычайно ценны. Они подсказали ещё много деталей, о которых я и не подозревал. Кстати говоря, контакты с ними по разным вопросам продолжались ещё много лет.

На другой день в техотделе экспедиции мне напечатали все нужные синьки, и я поехал в г. Ивдель. Прямого пути туда не было, и ехать пришлось вначале поездом на Серов, а оттуда другим поездом на Ивдель. Это оказался небольшой, сплошь из деревянных домиков состоящий городок. Был я там в первый раз, хотя он и находится рядом с Североуральском. Нашёл перевалбазу, которая располагалась в одном из частных домов и использовалась Латыповым А. А. для нужд своей партии. Там познакомился с зам. начальника экспедиции Ильяшевичем М.В., который уже был в доме. Глядя на моё "богатое" зимнее пальто, он принял меня сначала за

главного инженера экспедиции и начал что-то выспрашивать на какие-то важные темы, хотя против него я был пацан в два раза моложе. Когда я ему сказал, что такие сведения не входят в мою компетенцию, т. к. я старший инженер, то он успокоился. Переночевали и утром поехали на аэродром. Там уже стоял самолёт аэромагнитной партии. Загрузили попутный груз и вылетели в Саранпауль.

Под крылом шёл достаточно разнообразный пейзаж. Ленточные боры вдоль сильно меандрирующих русел рек перемежались с болотистым мелколесьем. Около крупных рек хорошо были видны многочисленные старицы. Жилые поселения закончились через 20 минут полёта – это был север Ивдельского района. Далее никаких признаков жилья не наблюдалось в течение почти 2-х часов.

Вскоре после двухчасового полёта показались домики достаточно большого села – это и был Саранпауль. Самолёт сделал полукруг и приземлился у самой окраины, подрулил к какому-то домику и заглушил двигатель. Домик оказался один во всех лицах – здание аэропорта, метеостанция, резиденция начальника. Мы вышли и пешком пошли в село – до здания конторы экспедиции оказалось недалеко. Тут есть небольшая предыстория.

Саранпауль – довольно большое село по северным меркам и практически всё вытянуто по берегу судоходной реки Ляпин. Условно делилось на три деревни – первая, вторая и третья. Между ними были низинные промежутки, которые в многоводные вёсны затоплялись вешней водой.

До недавнего времени в Саранпауле базировалась экспедиция № 105 6-го Главка Мингео СССР, который по всей стране занимался поисками, разведкой и добычей пьезооптического сырья и графита. Вообще эти экспедиции имели везде очень солидную материальную основу, хорошую организацию труда. Да, видимо, по-другому было и нельзя, т. к. это сырьё имело важное значение для обороноспособности страны. У этой экспедиции почти в осевой части Уральских гор располагалось 4 добычных партии. Причём две из них на восточном склоне – Неройка и ещё одна, а Пелингичей и Народа – на западном. Год назад в Главке решили базу экспедиции перенести на железную дорогу Москва–Воркута на ст. Кожим – это западный склон. Пристроили ей № 118. А в Саранпауле оставили только часть складов, небольшую мехмастерскую, транспортную технику для снабжения по зимним дорогам своих партий с восточного склона. Во главе этой базы поставили местного кадра – Канева Афанасия Никаноровича. Всё, что было им не нужно, они передали нашей экспедиции – контору, склад ВМ, часть общежитий. Надо сказать, что на первых порах Канев нам помогал, чем мог, особенно запчастями для транспорта, изготовлением некоторых железок в своей мехмастерской. Он, видимо, рассчитывал, что когда-то и мы станем на ноги и где-то поможем ему, но не дождался. Вскоре ему стало надоедать наше нищенство, и он уже реже шёл нам на встречу.

Контора располагалась прямо на берегу Ляпина и имела вполне приличный вид, как снаружи, так и изнутри. Десятка полтора комнат, отопление водяное от своего котелка. Работали истопники, чтобы не заморозить систему. Здесь же пока временно жили и инженерно-технические работники, Ильяшевич М., Ефимов Г.Г. и вскорости должны были поселиться я и Латыпов. В комнатах были спальные мешки. Сходили в магазин, купили кое-что покушать. Все сели за стол, а Ильяшевич М.В. достал из мешка какую-то вяленую рыбу. Размеры её были порядочные – до 30 см в длину. Мне сказали, что называется она сырок, ловится в Ляпине, и все жители запасают её на зиму. Купить её можно за 15-20 копеек рыба в зависимости от величины. Рыба оказалась очень даже вкусной, особенно крупные экземпляры. Очистишь её от шкуры, а она аж светится от пропитавшего её жира.

Выпили за знакомство, за хорошее начало работ экспедиции. Ефимов, как и я, пил очень мало. Через какое-то время Латыпов ни с того ни с сего к чему-то затеял разговор про тараканов, якобы выловленных им в борще ресторана в г. Ивдель. Лицо у Ефимова как-то сразу напряглось, взгляд его принял отсутствующее выражение и он, извинившись, сказал, что ему

надо выйти. И вышел. После этого Латыпов рассмеялся и сказал, что Григорий Григорьевич вышел поблевать. Оказывается, после всех перенесённых тягот в жизни у Ефимова возникла стойкая неприязнь к такого рода рассказам и событиям. Судьба обошлась с ним очень круто. Он офицер, воевал в действующей армии, но, то ли в конце войны, то ли сразу после, был арестован по доносу и осуждён по 58 статье на 10 лет лагерей. Отсидел почти весь срок на Севере – Воркута, Салехард. Судьба его сильно напоминает судьбу Солженицына А.И., и даже внешне они сильно похожи. В эту встречу он рассказал только один эпизод из своей лагерной жизни – им дали задание сложить кирпич в штабеля. Они сделали это очень быстро, но внутри штабелей искусно оставили пустоты, а объём кладки считался по наружному обмеру. На этом деле они "заработали" лишнюю пайку. Конечно, это был интересный, неординарный человек, но судьба меня с ним сводила в будущем очень редко, только на время случайных коротких встреч.

Чуть позднее, в этот же вечер, зашёл разговор о воздушном взрыве мощного термоядерного заряда, проведённого месяц назад над Новой Землёй. Оказывается на Севере это было крупным событием. Всех жителей Салехарда вывели из домов, часть окон была выдавлена ударной волной. В п. Амдерма вынесло окна и двери. Всех геологов вывезли с поля из опасных районов прохождения ударной волны. Я думаю, что ударная волна уже на излёте, в виде сильного ветра, 30 октября дошла и до Североуральска. В этот день несколько часов подряд с севера дул небывалой для этих мест силы ветер. Казалось, что на него можно лечь, и он не даст человеку упасть на землю. Эти события описывали и другие геологи-съёмщики, приехавшие к нам работать с Полярного Урала. Они говорили, что просматривалась вспышка вдалеке, но уже не яркая, и пришёл сильный гул.

Ильяшевич М., кроме решения проблем экспедиции, был ещё занят тем, что "выбивал" в управлении для себя наряд на покупку автомашины "Волга". Тогда они ещё стоили 4000 руб., но в любой момент цена на них могла начать расти, т.к. спрос резко увеличился. Он получил её и перегнал в Свердловск где-то уже в мае следующего года. Через год цена на них выросла почти в полтора раза.

Познакомился с начальником буровой партии И.М. Сидоряком. Это, конечно, партией можно было назвать только условно – одна буровая бригада и то неполного состава. Занималась бурением картировочных скважин по точкам геологической съёмки масштаба 1: 200000. Сам он работал на Севере уже давно, чуть ли не с послевоенных времён. Занимался бурением структурных скважин ещё у профессора Чочиа.

Осмотрели в посёлке переданные нашей экспедиции дома, общежитие. Пошли с Ильяшевичем в поселковый совет познакомиться с председателем. Председатель – Малюгин Илья Николаевич, инвалид, где-то потерял ногу, мужчина небольшого роста, но достаточно шустро прыгающий по посёлку. Оклад у него был 50 руб., плюс северные надбавки. Любимой темой разговора с ним приезжих во время "чаепитий" был вопрос: "Илья Николаевич! Ты паровоз видел?" – И он всегда резко отвечал: "Нет. Никогда. Я из Саранпауля никогда никуда не выезжал!". Первый и последний раз ему пришлось выехать в Ханты-Мансийск в 1964 году на похороны брата, который погиб в числе всех пассажиров рейсового самолёта АН-24, сгоревшего на полосе при посадке. Судьба его самого тоже оказалась трагичной – в конце 60-х годов он замёрз прямо в посёлке.

Закончив все дела в Саранпауле, я поехал в Тюмень. Возвращался через п. Берёзово. В один день редко удавалось достичь Тюмени, т. к. рейсовый самолёт Ан-2 прилетал в Берёзово из Саранпауля после обеда, и на рейс в Тюмень на этот же день купить билет было практически невозможно.

Прилетел я туда в первый раз и пошёл искать гостиницу для ночлега – знакомых у меня там не было. В центре посёлка нашёл гостиницу. Это было двухэтажное деревянное небольшое здание рядом с пристанью. Внутри же был и ресторан "Сосьва". Место для меня оказалось

в комнате на втором этаже, где стояло 7-8 кроватей. К вечеру среди постояльцев гостиницы и посетителей ресторана я увидел много авиаторов – видимо, у них не было своей гостиницы-приезжей, и они пользовались коммунальной. Утром следующего дня я вылетел на самолёте Ил-14 в Тюмень и через 3 часа лёта был на месте.

Работа в Тюмени. Изготовление насосов. Руководство управления. Заявки. Приём рабочих. Вылет в Саранпауль

По приезде в управление я доложил Чепкасову о результатах поездки. Он сразу озадачил меня множеством дел – надо было где-то разместить заказы на изготовление насосов "Летестю", чертежи которых я привёз из Североуральска, и других железок для проходки шурфов, составить годовые заявки на материально-техническое снабжение экспедиции в 1962 году и по мере подхода людей в отдел кадров управления подбирать нужных рабочих для экспедиции. Я думаю, что перед этим он представил меня в руководстве управления как одного из своих уполномоченных представителей по вышеперечисленным вопросам, и меня беспрепятственно принимали везде, вплоть до начальника управления Ю.Г. Эрвье. Сам Чепкасов В. А. также был занят выше головы организационными вопросами, подбором кадров ИТР, частыми поездками в район.

Встал вопрос о месте моего проживания в Тюмени на этот период – в гостинице было дорого, да и неудобно. Тогда он договорился о моём поселении в общежитие ИТР на ул. Холодильная – это была в то время глухая окраина Тюмени на Сибирском тракте. Основное место там занимал комплекс зданий СПТУ для подготовки бурового персонала и учебная буровая вышка. Там же было и одноэтажное общежитие ИТР. Причём между этим комплексом зданий и сооружений и первыми жилыми домами города располагался большой пустырь. В этом же районе, но ближе к городу, по улицам Киевская и Минская было много двухэтажных жилых домов, где жили работники геологического управления. Добирался на работу автобусом, или, если долго его не было, пешком около 25 минут. В одном из отделов управления мне выделили письменный стол и работа пошла.

Самый крупный вопрос – насосы. Пришёл к главному механику Савину К.И.. Он посмотрел чертежи и сказал, что надо идти к главному инженеру управления. Пришли. Морозов Николай Михайлович, в ослепительно белой рубашке и галстуке, без пиджака. После моего краткого рассказа об условиях проходки шурфов на золото в талых породах, сразу понял суть дела, и у него не возникло ни малейших сомнений в необходимости этого оборудования. Он совершенно твёрдо дал задание Савину изыскать мощности для их изготовления. Мехмастерские экспедиций, по моему опыту, всегда и везде загружены заказами сверх меры. Возник вопрос с изготовлением червячных редукторов – их в мехмастерских изготовить не могли вообще по причине повышенной сложности. Кстати говоря, мехмастерская Североуральской экспедиции, хотя и была намного меньше, чем в Тюмени, их очень хорошо изготавливала. Решили для их изготовления обратиться на Тюменский завод строительных машин, но оба собеседника сказали мне, что обращение на этот завод – уровень начальника управления, и поручили мне подготовить письмо за подписью начальника управления с просьбой изготовить в первую очередь 2 редуктора, а во вторую – полностью четыре насоса. Два насоса они решили изготовить в мехмастерских Тюменской экспедиции, на её базе в Парфёново. Быстренько подготовил письмо, собрал 2 визы своих недавних собеседников и пошёл наверх, в приёмную начальника геологического управления. Небольшая комната, где сидела секретарь, женщина средних лет. Недалеко, у окна, стучал телетайп. Она спросила меня, по какому я вопросу – увидела она меня почти впервые (не считая визита к Морозову Н.М.) – и разрешила войти.

В кабинете средних размеров (значительно меньше, чем были кабинеты некоторых начальников экспедиций), сидел человек в голубоватом костюме, возрастом ближе к 50 годам, с сильной сединой, но с абсолютно чёрными густыми бровями, в тонких золотых очках. Под костюмом также просматривалась белая рубашка. Он прочитал письмо, задал мне несколько

мелких, уточняющих вопросов – чувствовалось, что он в курсе наших дел. Письмо он подписал без всяких поправок и сказал, чтобы я сам его отвёз на завод с чертежами вместе. Это был знаменитый в будущем Юрий Георгиевич Эрвье – начальник Тюменского территориального геологического управления, в будущем Первый Зам. Министра геологии СССР. О нём, конечно, надо писать отдельно, т.к. руководители геологической службы такого мышления и масштаба дел даже в те времена встречались чрезвычайно редко. Но писать не мне.

Обедать я ходил, как правило, в ресторан "Заря" при одноимённой гостинице. Там можно было очень прилично пообедать и недорого. Брал всегда какую-нибудь холодную закуску из копчёной рыбы – тёша или балык из осётра, солянку по-грузински, бутылку пива. Иногда на второе брал жареного муксуна. Иногда сборную рыбную солянку. Качество и разнообразие хорошей рыбы в те годы было просто потрясающим – с тех пор я нигде такого не видел. Мясо в разных видах также было, и даже экзотическая для меня оленина.

В общежитии жило много молодых ещё неженатых ребят-геологов. Были из Свердловска, Саратова и других мест. Со многими из них мы встречались и в последующие годы, когда разъехались по местам своих работ. Там же, в общежитии, я впервые услышал магнитофонные записи В. Высоцкого, привезённые из Москвы, но особого впечатления они на меня в то время не произвели.

Однако мне понравились магнитофоны, которые использовали ребята для записи и воспроизведения. Вскоре пошёл в магазин и купил себе тоже настольный катушечный магнитофон "Днепр-11" – это была улучшенная модификация 10-го "Днепра", который стоял в общежитии. У него было две скорости – 9 и 4,5. Стандартная катушка на 350 метров, но входила и на 500 метров. По тем временам это был очень приличный аппарат с 4-мя динамиками и хорошей тембровой регулировкой. Стоил он тоже недешево – 145 рублей. У ребят я переписал целую катушку рок-н-ролла в исполнении оркестра Билла Хейли и ещё некоторых музыкантов. В ближайшую поездку в Североуральск я отвёз магнитофон домой. Весил он около 30 кг, и как я его допёр в Тюмени до вокзала, и как с поезда домой, одному Богу известно.

Однажды, вспомнив Енисейск, я решил попробовать сырой стерлядки. В магазине крупных рыбин почему-то не было. Пришлось взять мелких, замороженных. Оттаял, порезал, посолил. Вкус оказался совсем не тот. Конечно, он напоминал енисейскую стерлядь, но кушать сырой уже не хотелось. Пришлось сварить.

С собой я привёз малокалиберную винтовку. Но моей мечтой оставалась двустволка 12 калибра, особенно курковая МЦ-9. Скоро предстояло возвращение в Саранпауль, и надо было приобретать ружьё. Пошёл по магазинам. Выбора совсем не оказалось. Только и одном из них продавалось бескурковое ИЖ-54 12-го калибра. Пришлось взять его. Прикупил ещё пороху, дроби, гильз, патронташ и т.д.

Но продолжалась дальше и работа. Для горнопроходческих работ надо было ещё изготавливать ряд мелких железок – бадьи, воротки, ендовки, разные крючья и т.д. Всё это дело я нарисовал в эскизах с размерами, написал заявки с нужным количеством, согласовав перед этим с Чепкасовым количество горнопроходческих бригад. С этими бумагами пошёл к Н.М. Морозову. Он взглянул на мои эскизы, а потом сказал мне: "Ты же инженер! Нельзя так приносить свою профессию! Если ты делаешь даже эскизы, то они должны тоже выглядеть соответствующим образом!". Он преподавал мне урок на всю жизнь. Забрал эскизы назад. В тот же день всё переделал, и он без замечаний подписал все документы. Работая до этого старшим буровым мастером, я привык давать заказы в мехмастерскую на тетрадных клочках, иногда в спешке, не обращая внимания на качество оформления, и никто не требовал с меня лучшего качества таких бумаг. Здесь же я перешёл совсем на другой уровень общения, и приходилось на ходу учиться и перестраивать психологию.

Сам Морозов Н.М., по отзывам людей, часто с ним сталкивавшимся, был талантливым инженером и на своём посту главного инженера много сделал полезного. Его особый,

инженерный "нюх", я почувствовал, когда докладывал ему про насосы. Он до этого был абсолютно незнаком с технологиями проходки шурфов, с водоотливом, но сразу уловил главную суть требуемых насосов – большая производительность и способность качать сильно загрязнённую воду. Года через два его перевели начальником Сургутской нефтеразведочной экспедиции.

Много времени отняло составление годовых заявок, т. к. некоторые позиции надо было обосновывать расчётами. Работа была для меня тоже в некотором роде новая. Пришлось учиться – брал годовые заявки других экспедиций и смотрел там. Часто пришлось ходить к заместителю начальника управления по общим вопросам А.Г. Быстрицкому. Это был уже пожилой человек с седой шевелюрой, небольшого роста, очень подвижный. Беседы с посетителями он вёл весьма активно, т. к. большинство из них хотели получить у него всегда много. За словом он в карман не лез, хорошо знал ситуацию и что у него есть на складах, при случае мог и "красное" словцо вернуть, но не злоупотреблял.

Это был тот самый начальник Березовской нефтеразведки, на скважине которого в 1953 году ударил неожиданный, первый в Западной Сибири газовый фонтан. Он был настоящий первооткрыватель. Я часто приходил к нему с заявками на получение тех или иных материалов для экспедиции по радиограммам Чепкасова В., который находился в Саранпауле. Приходилось часто ездить на склады управления и самому искать нужные для нас вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.